

11. *Шувалова, Н.* Благотворительность в зеркале общественного мнения. Обзор исследований / Н. Шувалова. – М. : Форум доноров, 2009. – 135 с.
12. *Якимец, В. Н.* Межсекторное социальное партнерство: теория, механизмы, технологии, практика / В. Н. Якимец. – М. : ТАСИС, 2004. – С. 4.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ТРАДИЦИИ ПАТЕРНАЛИЗМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.И. Оськина
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: гражданское общество, патернализм, гражданин, политическая культура, традиция, феномен, легитимация, либерально-демократические ценности.

Key words: civil society, paternalism, citizen, political culture, tradition, a phenomenon, legitimation, liberal-democratic values.

Патернализм представляет собой многогранное и многоаспектное явление. С исторической точки зрения анализа понятия «патернализм» – явление прошлого. Однако современные реалии позволяют нам утверждать, что множество новых социально-политических явлений в России при ближайшем рассмотрении оказываются «патерналистскими». Кроме этого можно обнаружить множество свидетельств, демонстрирующих определенную патерналистскую традицию в выстраивании властных отношений, в их образном (идеологическом) оформлении, в организации разных сторон социально-политической жизни [2]. Причем следует подчеркнуть: речь идет о традиции непрерывной, но видоизменяющейся в зависимости от господствующих социокультурных и экономических укладов. В процессе социально-политической трансформации России патернализм приобретает особые очертания, увеличиваются его масштабы, расширяются функции. Именно этим и объясняется новый виток интереса к «патернализму» целым рядом гуманитарных наук.

В научной литературе сложился достаточно широкий спектр подходов, изучающих «патернализм» как специфическое явление или некоторые его аспекты. Это породило множественность трактовок, несходство определений и специфическое маргинальное существование в научных парадигмах.

Так, в Российском энциклопедическом словаре «патернализм» ассоциируется с опекой старшего по отношению к младшим, осуществляемой как отдельными индивидами, так и целыми странами. В энциклопедии «Британика» «патернализм» описывается в политических терминах как система, при которой управляющие должны удовлетворять потребности управляемых и контролировать их поведение. В популярном Вэбстерском словаре «патернализм» определяется как «способ управления страной, подобный отеческому попечению над детьми». Приведенные определения наглядно показывают, насколько широким и разнообразным является понимание данного термина даже в энциклопедических изданиях, которые по своему жанру тяготеют к однозначности. Его смысловое наполнение включает и наиболее общие взаимоотношения между сложными составными субъектами, как, например, государство и частные случаи властных и производственных взаимоотношений, и непосредственные межличностные, частные взаимодействия. Такой разброс объясняется, прежде всего тем, что авторы при составлении словарной статьи «патернализм» опираются на концепты, сформулированные в разных научных областях гуманитарного знания, в разных научных дисциплинах [2].

Патернализм в ряде исторических, социологических и антропологических работ описывается как патрон-клиентские отношения. Появление двух обозначений одного явления в данном случае связано с расстановкой познавательных акцентов. Используя термин «патернализм», исследователи характеризуют, прежде всего, способ со-

циальной, меж- и внутригрупповой связи, изучают явление в контексте большого общества. Социальные историки, оперирующие термином «клиентелизм», или в развернутом виде «патрон-клиентские отношения» в большей степени учитывают личностный, диадический, индивидуализированный аспект явления. Разница в употреблении этих терминов обуславливается и их этимологией: патернализм происходит от римского обозначения главы, основателя семейной группы *pater familias*; клиентелизм – от правового определения особого вида личной зависимости, существовавшей в древнеримском обществе, подчинение *clientes* своему *patron* [7, с. 7–13].

Патернализм – явление, в той или иной степени свойственное всем народам мира. В то же время патернализм как общекультурная категория в истории человечества приобретает формы, адекватные культурным основам той или иной цивилизации. Например, западные страны, унаследовавшие патернализм на основе античной традиции, демонстрируют развитое частное начало в зачастую договорных отношениях между патроном и клиентом. Однако в силу большего поля индивидуализации бытия, заданности общей модели развитого частного начала патернализм западного типа, в отличие от России, не стал единственной матрицей общественных отношений [3, с. 67].

Сегодня патернализм, чрезвычайно употребляемый и широко распространенный термин. Патернализм как уникальный феномен пронизывает на современном этапе самые разные общественные сферы. Патернализм может быть «политическим», «экономическим», «менеджерским», «образовательным» и т.д. в зависимости от того, в какой сфере деятельности акторы его применяют. Патернализм оказался очень жизнеспособным, вновь и вновь становясь основанием для выполнения некой социальной роли представителями разных поколений, воспроизводясь в их поведении как понятный и эффективный механизм решения проблемы.

В России патернализм имеет ярко выраженный характер и представляет собой глубоко укоренившееся явление, обусловленное особенностями исторического развития, что позволяет говорить об особом генотипе российской политической культуры. Фундаментально эта вечевая культура, для которой характерны соответствующий образ жизни, поведения, сознания, оказавшие огромное влияние на последующую историю, образование и развитие государственности.

Специфику роли и места России определяло также огромное геополитическое пространство, на котором сосуществовали народы с различными типами культур. В этих условиях сформировалась ярко выраженная этатистская ориентация политической культуры. В России государство воспринимается, по выражению Э. Баталова, как «становой хребет цивилизации, гарант целостности и существования общества, устроитель всей жизни» [1]. В условиях отсутствия гражданского общества такое восприятие отражало реальную роль государства, причем не только в царское время, но и в советский период, когда необходимо было удержать победу социализма в капиталистическом окружении. Без сильного государства добиться международного признания было невозможно, поэтому большевистская власть сделала все возможное для этатистско-патерналистской направленности советской политической культуры. В постсоветское время этатистская традиция была ослаблена, однако она вскоре возобновилась вместе с усилением роли федерального центра, что явилось причиной усиления вертикали власти.

В современном российском обществе наиболее ярко и часто патернализм проявляется в личной сфере и социально-политическом пространстве. Оба пространства подверглись глубокому реформированию, частичному разрушению, в последующем форсированной реконструкции, в результате которой неопределенность действующих в обществе ориентиров только возросла.

В настоящий момент и в личном, и в социально-политическом пространстве наблюдается одновременное существование как старых, так и новых форм, отношений, институтов. Достаточно затянувшаяся процедура формирования институциональной структуры общества вызывает к жизни патернализм как один из механизмов выстраивания институтов. Авторы стремятся формулировать правила устойчивого взаимодействия, в основном, в рамках знакомых архетипов, одним из которых как

раз и выступает патернализм. Прежние личные контакты сегодня становятся ядром создаваемого института, в этой связи последние по своей организации часто напоминают кланы. Такие институты всегда, как правило, функционируют на основе принципа «свой – чужой», основываясь на котором, индивиды приступают к обмену ресурсами и решению разных задач [7].

Данные обстоятельства тормозят процессы институционального обновления России, а сохраняющаяся система старых взаимоотношений выступает значительным препятствием как для легитимации власти, так и для развития гражданского общества. По мнению Д. Ловелла, первоочередная задача, стоящая перед современными посткоммунистическими государствами, – это легитимирование вновь созданных институтов как политических, так и гражданских. Именно альтернативные способы легитимации новых институтов и принимаемых ими решений делают необходимым доверие. Оно создает основу для широкого общественного сотрудничества, на которой затем возникают добровольные ассоциации и идет экономическое развитие в рамках правового государства [15, с. 158].

Однако для современных молодых демократий, к которым, безусловно, можно отнести и Россию, проблема доверия продолжает оставаться актуальной, а значит возникают многочисленные сложности на пути построения правового государства и гражданского общества. В обществе с низким уровнем доверия [10] криминальные структуры, межличностные сети, патронажные связи и коррупция могут выступать в качестве альтернативных механизмов производства партикулярного социального доверия в условиях всеобщего общественного недоверия [8]. Данным демократиям присущи серьезные пережитки додемократической политической культуры, зачастую недостает нового общественного договора о демократических и конституционно-правовых институтах, которые могли бы подстраховать их на социальном уровне. Напротив слабая укорененность либерализма и «гражданственности» в поставтократических обществах создает питательную среду для вытеснения либеральных институтов [6, с. 27].

Состояние нынешней российской гражданской культуры со слабо укоренившимися либерально-демократическими ценностями обусловлено спецификой процессов ее формирования в период демократических трансформаций 90-х гг. XX. в. и продолжающихся до настоящего времени. Важным фактором в процессе формирования основ гражданской культуры стало то, что он происходил в условиях уже начавшейся деформации существовавших в течение продолжительного времени стереотипов политического мышления и образцов политического поведения. Однако исторически сложившийся в стране «политико-культурный генотип», далекий от принципов гражданской культуры, определял характер противоречия между ценностными системами советского и постсоветского времени и системой новых демократических ценностей, которые предстояло утвердить в сознании граждан новой демократической России. Присущие национальной российской политической культуре государственно-патерналистские установки, проявляющиеся в авторитарном характере власти, ведущей роли государства в общественной жизни, высоком уровне ожидания от государства, а также в сохраняющемся в общественном сознании страхе «остаться без поводыря» говорят о том, что «культура подданных» в России приобрела качество наиболее сильной, устойчивой традиции. Данный факт является одним из существенных препятствий на пути развития гражданской культуры и гражданского общества [4, с. 45].

Вместе с этим происходящие в современной России политико-культурные изменения дают основания полагать, что в дальнейшем процессы формирования демократической гражданской культуры будут протекать более интенсивно. С точки зрения Э. Баталова, данные процессы в своем основании имеют три источника [1].

Первый – современная отечественная политическая практика, реализующаяся как в нормативных актах, часть из которых приобретает со временем легитимный характер, так и в неформализованных обычаях и социально-политической практике.

Второй источник – зарубежный опыт и политическая культура, главным образом западная. Достаточно часто заимствование и освоение европейско-американских «образцов» идет хаотично и бессистемно. Время будет корректировать этот процесс,

«отбирая», как это уже не раз случалось, начиная с петровских времен, то, что подходит России. Вероятнее всего Запад и впредь останется для России источником формирующейся гражданской культуры.

Третий источник – национальная традиция. Политическая культура любого общества, тем более обладающего многовековыми устойчивыми традициями, развивается на основе преемственности. Патернализм – институт дополняющий, субинститут, или, как обозначают его С.Н. Айзенштадт и Л. Ронигер, «институт-адденда» [9, p. 155]. Он успешно встраивается внутрь других, больших социальных институтов, представляясь участникам не переменным и органичным элементом этих структур. Такая иллюзия обеспечивается тем, что, следуя своим, «внесоциальным» целям, патернализм может заполнять пустоты, существующие в почти всех без исключения сферах социальной деятельности. Он достраивает систему социальных отношений в тех организованных областях человеческой деятельности, в которых не вызрели в достаточном виде собственные социальные регуляторы и стимулы [7].

В Западной Европе выделение гражданской индивидуальности, ее высвобождение от коммунальных, коллективистских атрибутов заняло столетие. Постепенно происходило формирование концепции индивида, обладающего собственной метафизической и моральной ценностью. Из таких индивидов и возникло в дальнейшем гражданское общество. В российской истории, к сожалению, превалировало представление о гражданине как о подданном. Российская политическая система ни в малейшей степени не способствовала воспитанию и становлению «общественного человека», отдельные попытки, как правило, сменялись контрреформами и жесткой государственной регламентацией. В этой ситуации патернализм представлялся в качестве «нормы правильного поведения» [3, с. 68], обеспечивающий выживание индивида и социальных групп, не одно столетие.

В этой связи традиции патернализма в России, безусловно, вступают в определенное противоречие с относительно молодыми ценностями гражданского общества. Однако мы надеемся, что поступательная, бережная социализация либерально-демократических ценностей в общественном сознании будет способствовать постепенному вытеснению патерналистских традиций, с одной стороны, и устойчивому формированию гражданского общества, с другой.

Библиографический список

1. *Баталов, Э.* Политическая культура России сквозь призму civic culture / Э. Баталов // Pro et Contra. – 2002. – № 3. – Режим доступа: <http://nicbar.narod.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
2. *Ермоленко, Т. Ф.* Патернализм в России: опыт культурно-исторического анализа / Т. Ф. Ермоленко. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 1999.
3. *Ермоленко, Т. Ф.* Патерналистские традиции российской политической культуры / Т. Ф. Ермоленко // Власть. – 2001. – № 1. – С. 67–68.
4. *Карпова, Н. В.* Политическая культура в процессе становления гражданского общества / Н. В. Карпова // Вестник Московского ун-та. – 2006. – № 1. – С. 45. – (Сер. 18 Социология и политология).
5. *Ловелл, Д.* Доверие и политика в посткоммунистическом обществе / Д. Ловелл // Pro et Contra. – 2002. – № 3. – С. 158.
6. *Меркель, В.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях / В. Меркель, А. Круассан // Полис. – 2002. – № 2. – С. 27.
7. *Шушкова, Н. В.* Этот ускользающий патернализм: попытка построения концепции / Н. В. Шушкова // Социологический журнал. – 2007. – № 1. – С. 7–13.
8. *Brie, M.* Transformationsgesellschaften zwischen Institutionenbildung und Wandel des Informalen / M. Brie. – Berlin, 1996.
9. *Eisenstadt, S. N.* Patrons, clients and friends: Interpersonal relations and the structure of trust in society / S. N. Eisenstadt, L. Roniger. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – P. 155.
10. *Fukuyama, F.* Trust. The Social Virtue and Creation of Prosperity / F. Fukuyama. – N. Y., 1995.